

Помолвка виконта

Автор:

[Луиза Аллен](#)

Помолвка виконта

Луиза Аллен

Брат и заботливые тетушки решили во что бы то ни стало выдать замуж «бедняжку Десси». Пройдя сквозь целый ряд смотрин, выдержав придирчивые взгляды печальных вдовцов и их сыновей, долговязая веснушчатая Десси потерпела ошеломляющее фиаско. Услышав о новой попытке брата устроить ее судьбу, девушка спешно покинула его дом и едва не оказалась погребенной под снегом в жестокую метель. Высокий красавец Эдам Грантам выручил Десси из беды, но похитил ее сердце. Ему понравилась умная, смелая и самостоятельная девушка, но как быть с его невестой?

Луиза Аллен

Помолвка виконта

Глава 1

В очаровательной гостиной, выходящей окнами на зимний парк в графстве Ноттингем[1 - Ноттингем – графство в Центральной Англии. (Здесь и далее примеч. пер.)], завтракали три человека в спокойной атмосфере утонченности и элегантности.

Мисс Росс тщательно вытерла пальцы льняной салфеткой и улыбнулась своей невестке:

- Через мой труп.

- Десси! - Чарлтон едва не расплескал свой утренний кофе.

Десима почувствовала головокружение, неужели она действительно это произнесла?

Чарлтон с раздражением поставил свою чашку.

- Зачем так бурно реагировать? Хермион всего лишь предложила нанести визит нашим соседям Джардинам. Это очаровательная семья.

- И совершенно случайно у них гостит милейший джентльмен. - Десси и сама оторопела от своих слов: никогда прежде она не позволяла себе говорить с кем-либо в таком резком и язвительном тоне.

Девять лет отчаянных попыток семьи выдать ее замуж развили у Десимы способность остро чувствовать угрозу при очередном упоминании о «подходящей» партии. Но она всегда подчинялась указаниям семьи и покорно плелась вести утомительную беседу со злополучным джентльменом, и вот наконец она почувствовала, что в ней назрел протест.

- Мы могли навестить их в любое время в прошедшие две недели, но, поскольку интересующий нас джентльмен прибыл только два дня назад, мы должны пойти к ним сегодня, - добавила она.

Десима посмотрела в окно, пасмурное небо угрожало снегом после недели сухой холодной погоды, прогулка в такой день не могла быть приятной, но, чтобы спастись от очередного унижения, девушка была готова немедленно собрать вещи и отправиться куда угодно. Ведь она здесь не по приговору суда, и ей есть куда идти.

- Ну да, брат миссис Джардин. Джентльмен с титулом, неженатый, но я вовсе не поэтому предложила нанести этот визит. - Леди Кармайкл не умела убедительно

лгать, она в растерянности запнулась, глядя в серые глаза Десимы, и умоляюще посмотрела на мужа в поисках поддержки.

– Неудобно являться на рождественские семейные собрания, – огрызнулся Чарлтон, хлопнув газетой по столу так, что его жена вздрогнула. – Естественно, мы не могли прийти к ним раньше.

Десима смотрела на брата с притворным спокойствием. Ей очень хотелось спросить, зачем он в который раз намеревается унижить ее, предъявляя очередному потенциальному ухажеру, чьи неуклюжие попытки быть любезным напомнят ей, почему она все еще остается девицей в возрасте двадцати семи лет. Но она не решилась.

– Мы нанесли дюжину визитов во время этих каникул, Чарлтон, и получили столько же, – кротко промолвила она. – Почему Джардины должны были стать исключением?

– Это не имеет никакого отношения к брату миссис Джардин, – заявил Чарлтон, оставив без ответа ее вопрос. – Не знаю, почему ты не можешь оказать услугу Хермион, сопровождая ее во время этого визита, Десси.

– Ну, во-первых, Чарлтон, я сегодня уезжаю.

Прежде Десима не могла сопротивляться его наскокам, но прежде, как внезапно осознала Десима, она не была юридически и финансово независимой от него, а теперь станет, через два дня на Новый год.

– Что? Не болтай чепуху, Десси. Уезжаешь? Ты едва провела здесь неделю.

– Две недели и еще день, если быть точными, – поправила Десима и была проигнорирована.

– Я был уверен, что ты пробудешь в Лонгуотере по крайней мере месяц. Ты всегда проводила здесь месяц, когда приезжала на Рождество.

– Но я собиралась пробыть с вами две недели, не так ли, Хермион?

– Ну да, но я не считала это...

– И Огаста будет ждать меня. Поэтому я должна послать Пру упаковать вещи, иначе нам не удастся выехать утром. – С этими словами Десима повернулась к дворецкому и с улыбкой произнесла: – Пожалуйста, Фелбригг, пошлите кого-нибудь в конюшню попросить кучера подать мой экипаж к парадной двери к половине одиннадцатого.

– Хорошо, мисс Росс. Я также пошлю лакея с вашим багажом.

Десима чувствовала, что Фелбригг одобряет ее – он явно игнорировал гнев своего хозяина.

– Ты не сделаешь ничего подобного, Десси! Посмотри, вот-вот пойдет снег. – Когда она поднялась, Чарлтон сердито уставился на портрет своего отца, сидящего бок о бок с их матерью. – Могу лишь предположить, что ты унаследовала упрямство вместе со многими другими чертами от своего отца. И уж совершенно точно не от нашей дорогой мамы.

Десима посмотрела на расстроенное лицо Хермион и воздержалась от резкого ответа, готового сорваться с языка, не желая обидеть невестку. Она заставила себя улыбнуться:

– Мне было хорошо у вас, Хермион, но я должна ехать, иначе Огаста рассердится.

Десима двинулась к двери. Когда Фелбригг закрыл ее за ней, она услышала голос Хермион:

– Что же нам делать с бедняжкой Десси?

Виконт Уэстон скептически поднял темные брови, глядя на младшую сестру:

– О чем ты, Сэлли? Я предупреждал, что это краткий визит всего лишь до конца недели.

– Я только хотела знать, дорогой Эдам, будешь ли ты здесь, когда придут наши соседи Кармайклы. – Леди Джардин хлопотала с кофейником. – Еще чашечку?

– Нет, спасибо. А в чем привлекательность этих Кармайклов?

Сэлли попыталась придать лицу невинное выражение, но ее с головой выдали порозовевшие щеки. Эдам улыбнулся:

– Сэл, ты словно раскрытая книга. Дочь на выданье?

– О нет, не дочь, – возразила Сэлли, радуясь, что может хоть что-то отрицать.

– Не слишком привлекательная сестра средних лет, – внезапно вмешался ее муж, оторвавшись от «Таймс». – Кармайкл отчаянно пытается сбить ее с рук. Не знаю, Сэлли, почему ты позволяешь вовлечь себя в этот глупый план леди Кармайкл. Если Эдам захочет жениться, он вполне справится с этой задачей самостоятельно.

– Она не средних лет, – фыркнула обиженная Сэлли. – Ей под тридцать, и я знаю, что она умна, дружелюбна и очень состоятельна.

– Эдам не нуждается в состоятельной жене, – отозвался ее любящий супруг, – и ты знаешь не хуже меня, что означает «умна» и «дружелюбна». Наверняка какая-нибудь жердь и синий чулок.

– Благодарю тебя, Джордж, за твою деликатную поддержку. Насколько я понимаю, никто из вас не видел эту леди? – Эдам определенно не нуждался в том, чтобы жить за счет состоятельной супруги, да и поисками ее пока заниматься не собирался.

– Нет, мы еще не встречались с ней, – мрачно ответила Сэлли. – Но я уверена, что они придут сегодня.

Эдам с улыбкой поднялся:

– Учитывая погоду, я отбуду в Брайтсхилл этим утром.

– Бежишь? – осведомился сэр Джордж.

– Бегу, как лиса от гончих, – дружелюбно согласился Эдам. – Не дуйся на меня, Сэл. Я ведь предупреждал, что это краткий визит. Через два дня я устраиваю прием, поэтому должен уехать самое позднее завтра утром.

– Трусишка, – огрызнулась любящая сестра, когда он выходил из комнаты. – Ты неисправимый холостяк и неблагодарный брат, так что вполне заслуживаешь уродливого синего чулка!

* * *

Десиму абсолютно не волновал чудесный пейзаж за окнами кареты. Ее одолевали грустные мысли, ей не хотелось покидать Чарлтона и Хермион, она бы с радостью задержалась еще на неделю в Лонгуотере, если бы только они оставили ее в покое. Кузина Огаста, в чьем норфолкском[2 - Норфолк – графство на востоке Англии.] доме проживала Десима, несколько эксцентричная, но благодушная особа, была бы в равной степени рада ее возвращению или недолгому отсутствию, покуда могла заниматься новой оранжереей.

Огаста всегда делала то, что хотела и когда хотела, поэтому ей было нелегко понять уступчивость Десимы.

Она овдовела, когда была еще совсем молодой женщиной, и, похоронив пожилого, богатого и невероятно скучного супруга, сняла траур и, шокировав всех, заявила, что посвящает себя садоводству, живописи (как оказалось, очень скверной) и сельскому уединению.

А Десима в возрасте двадцати пяти лет, опозорив себя неудачным парадом в розовом гофрированном муслине перед унылым вдовцом и его столь же унылым и лишенным подбородка сыном, была отослана в Норфолк вести сельскую жизнь. Между кузинами сразу возникла взаимная привязанность, и Десиме было позволено оставаться там.

«С глаз долой – из сердца вон», – с надеждой думала тогда она. Но Чарлтон и их многочисленные тетушки не оставляли попыток выдать замуж бедную дорогую Десси и по очереди приглашали ее погостить для демонстрации очередному

злополучному холостяку или вдовцу. И она всегда покорно соглашалась с их планами, прекрасно зная, что они обречены на провал. Каждый из этих провалов наносил удар по ее самолюбию и подрывал уверенность в себе.

Десима закусила губу. Глядя теперь критически на свою жизнь начиная с семнадцати лет, она видела ее как серию уверток и пассивного сопротивления родственникам, которые решали за нее, как ей жить. Но пришло время быть уверенной. Вопрос, в чем именно.

Безусловно, ей предстояло многому научиться, и прежде всего тому, как распоряжаться своей жизнью. Чарлтон был очень хитер, выделяя Десиме щедрое содержание, которое более чем удовлетворяло ее нужды и редкие фантазии, поэтому у нее не было никаких причин отчаянно цепляться за перспективу доступа ко всему капиталу.

С этого дня, решила Десима, она будет немедленно уезжать, как только родственники попытаются сосватать ее. Десима как раз размышляла над тем, что это отличный подарок ей в связи с приближающимся Новым годом, когда Пру воскликнула:

– Посмотрите, что делается за окном, мисс Десси! Мы будем добираться домой целый век – всего двадцать минут назад проехали эту ужасную пивную «Красный петух».

Пробудившись от грез, Десима посмотрела в окно. Зрелище в самом деле было тревожным. Было около двух часов дня, а тусклый и мрачный свет с трудом пробивался сквозь метель. Снежные сугробы заслоняли ряд придорожных изгородей. Деревья в маленькой роще склонялись под грузом снега.

– О боже! – Десима поскребла стекло, запотевшее от ее теплого дыхания. – Я думала, мы прибудем в Оукем к позднему ланчу, но нам повезет, если мы доберемся туда к ужину. Боюсь, придется остаться на ночь в сплендорском «Солнце».

– Это хорошая гостиница, – заметила горничная. – Там наверняка есть свободные номера. Вы легко получите номер с отдельной гостиной. – Пру чихнула и спрятала лицо в носовом платке.

Перспектива согреться у камина, получить отличный ужин и уснуть на мягких перинах в «Солнце» показалась Десиме привлекательной. По крайней мере, там никто не будет ей досаждать. Она сможет скинуть туфли, выпить горячего шоколада, свернувшись в кресле с фривольным романом, и лечь спать, когда захочет. Десима с удовольствием обдумывала этот план, когда карета внезапно остановилась. Она опустила окно и высунулась, получив порцию снега в лицо.

– Почему мы стоим? – Сквозь снег Десима могла разглядеть только то, что они остановились на перекрестке и что еще один экипаж – двуколка, запряженная парой лошадей, – стоит на поперечной дороге.

Один из кучеров соскочил с козел и протопал по снегу к дверце.

– Мы не можем ехать дальше, мисс. Снег слишком глубокий – всю дорогу замело.

– Тогда придется ехать кругом. – Снег попадал Десиме за воротник, и она поплотнее запахнула бархатную накидку.

– Кругом куда, мисс? – осведомился кучер. – Это настоящий буран. Держу пари, метель бушует во всем Мидлендсе[3 - Мидлендс – центральные графства Англии.]. Единственное, что можно сделать, – это вернуться к «Петуху» – дальше лошади не пойдут, пока это будет продолжаться.

– «Петух»? – Десима в ужасе уставилась на него. – Это отпадает! У них нет спален, не говоря уже о гостиных, и мы можем застрять там на несколько дней в бог знает какой компании.

Кучер пожал плечами:

– У нас нет выбора, мисс. Нам лучше вернуться сейчас, пока «Петух» не заполнился другими путешественниками.

– Могу я чем-нибудь помочь? – Мужской голос звучал громко и отчетливо, Десима напрягла зрение, чтобы рассмотреть человека сквозь белую пелену. Голос был глубоким и приятным, но при виде его фигуры она едва не ахнула. Ну просто гигант.

Мужчина подошел ближе, пробираясь через заносы, и Десима увидела очень высокого джентльмена в дорожном плаще с капюшоном и шляпе с низкой тульей.

– Мэм. – Мужчина снял шляпу, его темные волосы сразу же засыпало снегом, и остановился у кареты. – Подозреваю, что вы, как и я, пришли к выводу, что дорога непроходима для экипажей.

– Так и есть, сэ. Мой кучер уверен, что единственное убежище – пивная в миле отсюда, но...

– Но она не подходит для леди – совершенно с вами согласен.

То, что увидела Десима, ей понравилось. Широкие плечи, спокойные серо-зеленые глаза, решительный подбородок и рот. И он согласился с ней – это определенно свидетельствует в его пользу в мире людей, которые словно сговорились указывать ей на то, что она всего лишь глупая женщина.

– Не знаете ли вы, сэ, более приличное заведение поблизости?

Где-то в недрах своего плаща Эдам нашел футляр с карточками. Один Бог знает, что леди, которую сопровождает только горничная, подумает о его предложении, но, не имея других вариантов, кроме как пережить метель в засиженной мухами пивной или замерзнуть до смерти в карете, скорее всего, она ответит согласием.

– Вот моя карточка, мэм.

Десима изучала карточку, а Эдам, в свою очередь, изучал ее саму. Большие, широко поставленные серые глаза, обрамленные густыми длинными ресницами; каштановые волосы, выбивающиеся из-под зеленого бархатного чепца; широкий рот и россыпь веснушек на носу и щеках.

Горничная снова чихнула, и девушка озабоченно посмотрела на нее.

– Будь здорова, Пру. – Она снова повернулась к Эдаму, разглядывая сквозь метель его лицо.

Глядя на ее пухлые губы, он почувствовал желание наклониться и коснуться их своими губами и заморгал, стряхивая снег и отгоняя неподобающие мысли.

– Лорд Уэстон, я мисс Росс, а это моя горничная Стейплс. Если у вас есть разумное предложение, я с радостью его выслушаю.

– Я еду в свой охотничий домик около Уиссендайна, милях в пяти отсюда. Я предлагаю распрячь лошадей из моей двуколки и использовать их для нашего самого ценного багажа. Мой грум посадит вашу горничную на одну охотничью лошадь, а я посажу вас на другую. Путешествие будет нелегким, но я могу обещать вам теплое убежище в конце пути. Ваши кучера могут отвезти вашу карету и оставшийся багаж в пивную, где они найдут укрытие, пока погода не улучшится, а потом забрать вас и доставить к месту назначения.

Мисс Росс снова посмотрела на карточку и на лицо ее обладателя. Он видел, как ее губы беззвучно произнесли: «Эдам Грантам, виконт Уэстон». За ее спиной снова чихнула горничная.

– Кто-нибудь еще будет в вашем охотничьем домике, милорд?

У нее был приятный голос, она говорила сдержанно и осторожно.

– Сегодня мои экономка, служанка и лакей. Завтра я ожидаю гостей – две супружеские пары, одна из них моя кузина, леди Уэндоувер, и ее муж.

– Если они смогут туда добраться. Благодарю вас за ваше любезное предложение, милорд. Не могли бы вы попросить моих кучеров передать мой багаж в карету, чтобы я могла решить, что взять?

Эдам отдал распоряжение и побрел через сугробы к двуколке, где стоял Бейтс, держа в одной руке поводья двух каретных лошадей, а в другой – двух охотничьих.

– Мы повезем женщин с нами на Аяксе и Лисе, а багаж погрузим на серых.

Бейтс молча кивнул.

Эдам наскоро порылся в своих сумках и отложил самые нужные вещи в саквояж, похвалив себя за привычку путешествовать налегке. Но еще неизвестно, что леди в таком модном чепце сочтет необходимым для нее и сколько сумок ей для этого понадобится. Метель усиливалась, и поездка грозила превратиться в кошмар.

– Мы готовы, милорд. – Эдам был приятно удивлен скорости, с которой женщины облачились в зимние плащи с плотными капюшонами без всяких признаков модных головных уборов. На сиденье лежали два саквояжа и несессер.

– Поздравляю вас с умением так быстро упаковываться, мисс Росс. Теперь, если вы встанете на ступеньку, я отнесу вас к лошадям.

Серые глаза уставились на него, а щеки покраснели.

– Мэм?

Стоящая перед ним фигура, казалось, внезапно съежилась.

– Милорд, я должна вас предупредить... Во мне пять футов и десять с четвертью дюймов роста.

Глава 2

Возможно, было бы лучше провести несколько дней в «Петухе», чем позволить, чтобы ее тащили по снегу, как мешок с углем. Вероятно, для этого потребуются усилия обоих мужчин. Очевидно, виконт, предлагая это, не предвидел, что ему придется иметь дело с леди подобных габаритов.

Эдам Грантам, насколько она смогла рассмотреть, выглядел серьезным, хотя из-за метели было нелегко разобраться в выражении его лица.

– В самом деле, мэм? Во мне шесть футов и три дюйма. Даже три с половиной, – добавил он, подумав. – Нам пора двигаться.

– Но вы не поняли меня, милорд...

Его лицо поскучнело.

– Вы хотите сказать, что сомневаетесь в моих силах, мисс Росс? Должен сказать, что вы меня огорчаете.

– Лорд Уэстон, я вовсе не имела в виду, что вам не хватит сил... – Сзади послышалось сдавленное хихиканье Пру, и Десима осознала, что ее дразнят из-за ее роста! Никто никогда так не делал, считая это основанием лишь для глубокой жалости.

Сердитая на себя и на него, она открыла дверцу и нагнулась, чтобы выйти. Ветер ударил ей в лицо, и у нее перехватило дыхание.

Десима едва выпрямилась, когда Эдам подхватил ее, держа одной рукой под коленями, а другой за спину.

– Обнимите меня за шею, – попросил он, и она заметила, что его дыхание не сбилось, несмотря на тяжелую ношу.

Десима повиновалась. Высвобождая руку из-под плаща, она повернулась и испытала некоторое удовольствие оттого, как покраснела его щека. «Возможно, вы не так сильны, милорд», – подумала она и, спохватившись, встревожилась, как бы он не упал с ней в канаву.

Виконт нес ее через сугробы к лошадям. Он шел медленно, осторожно ступая, что давало ей шанс прочувствовать этот странный опыт. Десима оказалась в объятиях мужчины в первый и, несомненно, в последний раз, и, в соответствии с ее недавней решимостью вести себя уверенно, она могла начать это с осознания нового ощущения.

Близость его мощного тела вызывала в ней странное беспокойство.

Из-под капюшона Десима старалась незаметно разглядеть его получше. В профиль подбородок выглядел еще более решительным, и прямой, красивой лепки нос соответствовал ему. Темная щетина, проступившая на его щеках и

подбородке, придавала его лицу еще большую мужественность. В высшей степени мужское лицо, решила Десима, с удивлением отметив, однако, его густые и длинные ресницы.

Сбоку было трудно рассмотреть его глаза. Но когда он повернул голову, чтобы взглянуть на нее, Десима заметила, что они темнее, чем ей показалось с первого взгляда. Возможно, это какое-то странное отражение снега, но в них, казалось, плясали серебристые огоньки. Десима заморгала, смахивая снег с собственных ресниц, и вдруг осознала, что он с улыбкой смотрит на нее. Не успев подумать, она улыбнулась в ответ.

- С вами все в порядке? Осталось немного.

- Да-да, в полном порядке. Благодарю вас, милорд.

«Болтаю, как идиотка, - подумала она. - Ради бога, Десима, возьми себя в руки». Почему ее бросает в жар? Явно не от смущения и тем более не от страха, ведь уже ясно, что он не упадет под тяжестью своей ноши.

Десима глубоко вздохнула и почувствовала аромат какого-то изысканного цитрусового одеколона и, очень слабо, то, что, вероятно, было специфически мужским, но и лично его запахом.

Испытывая странное волнение, Десима поняла, что он тоже может ощущать ее запах. Она пользовалась хорошим мылом и жасминовой туалетной водой. И не было причин думать, что он сочтет это интересным или волнующим.

- Вот и все. - Вытоптав в снегу круг, Эдам поставил Десиму на ноги в нескольких шагах от грума, который, ворча, передал ему поводья двух охотничьих лошадей.

- Наши саквояжи привязаны, Бейтс?

- Да, сэр.

- Тогда приведите горничную мисс Росс. Эй, вы! - крикнул Эдам кучерам, которые сидели съежившись. - Принесите саквояжи из кареты.

Один из кучеров неохотно спешился и заковылял мимо грума, который разумно использовал следы виконта, чтобы подойти к карете.

– Король Венцеслав[4 - Имеется в виду популярная английская рождественская песня «Добрый король Венцеслав» – речь идет о святом Вацлаве (903?–935), герцоге Богемии в 928–935 гг., где паж спасается от холода благодаря жару, чудесным образом исходящему от следов короля в снегу.], – со смехом заметила Десима, получив ответную усмешку.

– Не могу представить себе Бейтса в роли чьего-то услужливого пажа... Нет! Не трогайте Лиса!

Но Десима уже гладила мягкую морду, уткнувшись в ее обтянутую перчаткой ладонь.

– Какой ты красивый парень и как терпеливо стоишь в снегу. В чем дело, милорд?

Виконт шумно выдохнул.

– У Лиса дурная репутация – он кусает мальчишек из конюшни.

– Я не мальчишка из конюшни.

– Нет, а эта лошадь, оказывается, любит пофлиртовать. Я никогда не замечал за ним такого.

Ресницы Лиса дрогнули, когда Десима стала почесывать ему нос.

– Ты красавец, – мурлыкала она, глядя на крепкую изогнутую шею и широкую грудь лошади. – Это ведь жеребец? – Не подумав, она наклонилась, чтобы проверить. Предположение оказалось верным. – Да, и притом отличный.

О нет! Как только слова вылетели у нее изо рта, Десима осознала, что она сказала и кому. Подобные наблюдения не подобает делать леди, как бы много она ни знала о лошадях. О чем можно говорить с абсолютно незнакомым джентльменом после комментария относительно... э-э... мужских атрибутов его

лошади? Выражение лица виконта при этом сделалось чопорным.

От дальнейших затруднений Десиму избавил негодующий крик со стороны кареты:

- Немедленно поставьте меня на землю, вы, тупоголовый нахал!

Вслед за тирадой Пру в нескончаемой метели появился Бейтс, несший горничную, перекинув ее через плечо. Десима опасалась, что грум со своей ношей свалится в сугроб.

Кучер поставил саквояжи у ног виконта.

- Мы поедем назад в «Петух», сэ. Куда нам приехать за леди, когда снег расчистят?

- Хм! - Лорд Уэстон оторвал взгляд от напряженно ступающей фигуры своего грума и достал из кармана карточку. - Сюда. В Уиссендаине вам любой укажет направление. Присматривайте за багажом, чтобы все было в целостности и сохранности.

После этой инструкции, сопровождавшейся звоном монет, кучер с почтением прикоснулся к шапке и поплелся назад. Проходя мимо злополучного грума, он отпустил какое-то замечание, вызвавшее яростное сопротивление Пру.

- Перестаньте брыкаться, женщина. - Бейтс поспешно поставил Пру на ноги. Красная от гнева горничная открыла рот, чтобы разразиться бранью, но зашлась в приступе кашля.

- Пру, с тобой все в порядке? - Десима направилась к ней по снегу.

- Всего лишь простуда, - хриплым голосом заверила ее горничная, бросив злобный взгляд на Бейтса.

- Если вы готовы, думаю, нам лучше ехать. - Виконт предпочел игнорировать эту маленькую стычку, но бурную. - Бейтс, спокойно садитесь на лошадь, и я передам вам вашу сердитую пассажирку.

Десима не могла сдержать улыбку при виде мрачного лица грума, которому предстояло ехать на одной лошади со свирепой мисс Стейплс, и застенчивого выражения раскрасневшегося лица Пру, смущенной тем, что на лошадь ее посадит лично его лордство.

Устроив Бейтса и Пру, виконт повернулся к Десиме:

– Вы не возражаете, если я посажу вас, а потом сяду позади?

– Конечно нет. – Десима уверенно взяла поводья, подняла ногу и через мгновение оказалась в седле.

Эдам поместился позади нее, почти стоя в стременах. Десима невольно приподнялась, когда он скользнул в седло, и... опустилась ему на колени.

– Милорд!

– Да, мисс Росс? – Виконт наклонился, взяв у Бейтса поводья, затем повернул голову Лиса к правому ответвлению перекрестка. Десима ощущала движение мускулов его бедер, его руки крепко держали ее с обеих сторон, и, чтобы избежать болезненного давления выступа седла на собственное бедро, ей пришлось прислониться к нему, как к стволу дерева.

– Это абсолютно... абсолютно...

– Неудобно? Боюсь, что да, по крайней мере для вас, но в этих юбках вы вряд ли смогли бы сидеть в седле по-мужски, а сидеть на крупе Лиса небезопасно, учитывая неровность почвы.

Несколько минут царило молчание, потом виконт заметил:

– Думаю, мисс Росс, вы очень хорошо ездите верхом.

– Это мое главное увлечение, – призналась Десима, довольная комплиментом. – Мой отец много знал о лошадях и поощрял мой интерес к ним.

– Он разводил лошадей? – Глаза лорда Уэстона, когда Десима рискнула бросить на него взгляд, были сосредоточены на дороге.

– Да, и я помогала ему подбирать жеребцов для моей теперешней кобылы.

– Безусловно, вы занимались этим со знанием дела. – В его голосе послышалась усмешка, и Десима почувствовала, что краснеет. Он не забыл ее замечание по поводу достоинств жеребца.

– Почему вы решили, что я хорошо езжу верхом? – Что угодно, лишь бы перевести разговор на более безопасную почву.

– Вы правите мной, как лошадью, перемещая свой вес в соответствии с моими движениями. – Он произнес это вполне обыденным тоном, но в представлении Десимы фраза прозвучала просто неприлично. До сих пор мужчины, исключая близких родственников, прикасались только к ее руке.

– Сожалею. Но мне не за что держаться, и я не могу сохранять равновесие, не перемещая вес.

– Я понимаю, в чем проблема. Если вы расстегнете мой плащ и под ним обхватите меня руками, мне будет удобнее держать поводья. Обопритесь на меня и сядьте...

После некоторой возни ей удалось расстегнуть плащ и обхватить руками торс виконта, и она оказалась в теплом, пахнущем мужчиной полумраке.

Это было очень странное, волнующее чувство, а в довершение ко всему – ухо Десимы, прижатое к груди Эдама, могло слышать удары его сердца.

Теперь Десиме не нужно было двигаться, чтобы сохранять равновесие, и она вдруг поймала себя на том, что прислушивается к ощущениям своего тела. О боже! Неудивительно, что он не хотел, чтобы она двигалась. Казалось, холод был не способен ослабить мужские рефлексы виконта.

Эдам немного расслабился. Слава богу, она перестала ерзать. Теперь он мог думать об отнюдь не эротических вещах, вроде смерти в снежном сугробе или Лисе, ломающем ногу в рытвине.

Почему эта веснушчатая жердь – не слишком юная, если приглядеться, – произвела на него такое воздействие, Эдам не имел понятия. Он с усмешкой вспомнил ее одобрение мужских атрибутов Лиса – Сэл упала бы в обморок, услышав подобный комментарий. Ну, если суждено оказаться во время бурана в обществе леди, то лучше эксцентричной, чем чопорной и скучной.

Эдам крепче сжал руки, плотнее прижав плащ к Десиме, и опустил подбородок на ее макушку. В таком положении было легче править Лисом. К тому же так было теплее и... черт возьми, эротичнее. Руки девушки крепко обхватывали его, и он мог ощущать биение ее сердца и округлость груди даже сквозь плотную ткань плаща. Несмотря на явное смущение Десимы, она не казалась особенно тяжелой, когда устроилась на его бедрах. Он надеялся, что она не заметила или не поняла, на чем еще она сидит.

Они ехали молча почти час. Эдам повернулся в седле и убедился, что его грум держится хорошо.

– С вами все в порядке, Бейтс?

– Да. Но я бы чувствовал себя лучше, если бы не эта толстомясая особа. – За замечанием последовали негодующий вопль и звук удара кулаком. И почти сразу же бедная горничная принялась чихать под жалобные сетования грума. – К тому же я наверняка подхвачу простуду.

– Как он ее назвал? – Голос Десимы звучал приглушенно под плащом.

Эдам улыбнулся:

– Толстомясой особой. Он имел в виду, что ваша горничная... э-э... пухлая молодая женщина.

Послышалось хихиканье – довольно приятное.

– Обычно фигура Пру вызывает восхищение.

– Могу себе представить, но, вероятно, ее поклонникам не приходилось обхватывать ее руками, балансируя на лошади в снежную бурю. Слава богу, я вижу указатель.

Это доказывало, что они все это время двигались в верном направлении. Эдам и Бейтс были крепкими мужчинами, и лошади у них отличные, но напряжение слишком большое, одному Богу известно, сколько они еще смогут продержаться. Метель явно не собиралась ослабевать.

Бейтс подъехал к указателю и прочитал надпись.

– Мы на верной дороге! – крикнул он. – Это Ханипот-Хилл – длина спуска с него миля, а по аллее направо менее чем полмили.

По аллее с высокими изгородями... Но расчищена ли она или стала непроходимой из-за сугробов? Эдам держал свои мысли при себе. Его руки автоматически правили лошадей, спотыкающейся на спуске.

– Становится хуже, не так ли? – Голос из района верхней пуговицы плаща вернул Эдама к действительности. Он чувствовал страх в спокойном вопросе мисс Росс, но она явно не собиралась давать ему волю.

– Да. – Лгать ей не было смысла.

– Вы справитесь.

– Вы говорите очень уверенно.

– Я бы не поехала с вами, если бы не была уверена в вас, – заметила мисс Росс. – У меня большой опыт общения с болванами и ханжами, поэтому я легко распознаю тех, кто к ним не относится.

Это звучало достаточно откровенно.

– Надеюсь, это комплимент, мисс Росс?

– Конечно. Мой брат Чарлтон или любой из моих многочисленных кузенов потребовал бы, чтобы я и Пру оставались в карете, а это безусловный путь к смерти от холода, зато моя добродетель была бы надежно защищена. Он бы часами распространялся о последствиях моего путешествия без мужского эскорта, и в конце концов я бы задушила его и оказалась в руках правосудия.

– Почему вы должны душить вашего брата?

Они спустились с холма, аллея оказалась свободной от сугробов.

– Потому что он властный, надменный, бесчувственный и донимает мою невестку. Он пытался донимать и меня, но теперь с этим покончено.

Эдам усмехнулся:

– Будучи магистратом, я могу сказать, что это выглядит вполне оправданным убийством. Но почему теперь с этим покончено?

– Это мое новогоднее решение. Вернее, одно из них.

Голос мисс Росс и впрямь был весьма решительным, и Эдам невольно посочувствовал ее злосчастному брату.

– Мы прибыли. – Он облегченно вздохнул.

Мисс Росс грациозно изогнулась, выглядывая из-под плаща.

– Прибыли? Где мы?

– У охотничьего домика, огней не видно, должно быть, нас не ждали так рано и собрались в кухне.

Лошади пробрались по заснеженной подъездной аллее ко двору, куда выходили конюшня и помещения для прислуги. Но света не было и там. Эдама охватило неприятное предчувствие. Какого черта? Сейчас самое позднее начало пятого, а в такую погоду никто не стал бы выходить из дома.

Они направились к крыльцу у кухонной двери.

– Вы сможете соскользнуть вниз?

Виконт обхватил мисс Росс за талию и, оставаясь в седле, наклонился, чтобы помочь ей слезть с лошади. Эдам ощутил твердость корсета и соблазнительный изгиб груди.

За их спиной происходила неуклюжая возня: Бейтс стаскивал несчастную горничную с лошади, но Эдама интересовали только холодно глядящие на него серые глаза мисс Росс.

– Похоже, в доме никого нет. – Десима констатировала этот факт спокойно, но с ужасом сознавала, что оказалась именно в том положении, против которого ее предостерегали родственники женского пола. Мужчины, готовые использовать любую возможность, чтобы погубить невинную девушку.

– И вы думаете, что с моей стороны было разумно предложить подвезти вас в уединенное гнездышко? – осведомился виконт.

Глава 3

– Я как раз решаю, что мне думать, – честно ответила Десима. Если это была ловушка и попытка похищения, то виконт пошел на отчаянные меры, таща двух женщин несколько миль среди бурана. – Пожалуй, я готова поверить, что вы удивлены не меньше меня, найдя дом пустым.

– Благодарю вас, мэ, за ваше доброе мнение. – Эдам отвесил поклон.

– Я вынуждена этому верить. В конце концов, милорд, если бы вы оказались коварным соблазнителем, то это прежде всего говорило бы о моей глупости и неумении разбираться в людях.

Он рассмеялся:

– Ваше доброе мнение о собственном уме должно быть сохранено любой ценой, мисс Росс. А теперь позвольте мне проверить, заперта ли дверь.

– Сэр. – Это был Бейтс. Повернувшись, Десима увидела его поддерживающим обмякшую фигуру Пру, согнувшуюся в приступе кашля. – Девушка в очень скверном состоянии.

– Что с тобой, Пру? – Десима обняла горничную и прикоснулась к ее лбу. Что она натворила, вовлекая бедную девушку в поездку в такую дурную погоду! – У нее жар. Пожалуйста, милорд, откройте скорее дверь – мы должны внести ее внутрь.

Она втащила Пру в холодную темную комнату, где Бейтс наконец зажег несколько ламп, и оказалось, что они находятся в кухне. Плита не горела, на стуле лежал аккуратно сложенный фартук.

– Миссис Читти! Эмили Джейн! – Лорд Уэстон распахнул внутреннюю дверь. – Никого. Бейтс, отведите лошадей в конюшню и постелите им сено. – Должно быть, люди поехали в город за покупками и их застигла метель.

– Я должна немедленно уложить Пру в постель. Какой комнатой я могу воспользоваться, милорд?

– На втором этаже. – Он поднял одну из спермацетовых ламп. – Я пойду с вами.

– Я бы предпочла, чтобы вы зажгли плиту, милорд, – озабоченно возразила мисс Росс, взяв у него лампу. – Мне нужны нагретые кирпичи, горячее питье и пища для горничной. Идем, Пру.

В компании двух незнакомых мужчин и, вероятно, без всякой надежды на врача им придется находиться в течение нескольких дней. Десима закусила губу – оставалось надеяться, что миссис Читти, экономка виконта, была добросовестной хозяйкой и обеспечила запас продуктов.

Они с трудом поднялись по лестнице и двинулись по коридору. Десима заглядывала в каждую комнату по очереди. Ей нужны были смежные комнаты. Она нашла их почти в конце коридора – просторную спальню и смежную туалетную с камином и небольшой кроватью.

- Ну вот, Пру. Это очень уютная комнатка, она невелика, зато быстро прогреется. - Пру опустилась на стул, а Десима поставила свечу у камина и проверила постель. Холодная, но не сырая. - Посиди здесь минутку. Я принесу наши сумки, переодену тебя и уложу. - Она постаралась, чтобы ее голос звучал спокойно.

Сбежав по ступенькам, Десима обнаружила его лордство хмуро разглядывающим все еще холодную плиту.

- Вы не зажгли ее!

- Я пытаюсь это сделать, - ответил он. - Плита новая. Здесь есть вьюшки, несколько отделений и множество ручек. Она может взорваться, если я открою не то, что нужно.

- Ради бога, позвольте мне!

Спустя пять минут Десима признала свое поражение и отошла, сердито глядя на виконта.

- Сделайте что-нибудь! Вы же мужчина!

- Это несомненно так, но это вовсе не означает, что я должен уметь пользоваться... - он взгляделся в надпись на табличке, - фирменной плитой «Бодли». Я открою все вьюшки, зажгу их, отойду назад, но не вините меня, если мы окажемся посреди дымящихся обломков.

Десима оторвалась от копания в саквояжах.

- Я всегда считала, что джентльмен должен управлять всем, что есть в его доме, - заметила она более мягко.

- Последним, кто пытался управлять миссис Читти и ее королевством, был покойный - обратите внимание, покойный - мистер Читти. Вот. Позвольте мне отнести это наверх, Десси.

– Я справлюсь... Как вы меня назвали?

– Десси. Так называла вас ваша горничная, верно? Мисс Десси.

– Меня зовут Десима, милорд.

– А как вас называет Чарлтон?

– Десси.

– И вам это нравится?

– Нет. – Она ненавидела это имя. Оно делало ее пятилетней девочкой.

– В таком случае я буду называть вас Десима.

Она сердито уставилась на него, но, не получив никакого удовлетворения, кроме восхитительного зрелища широких плеч, когда он наклонился, чтобы зажечь плиту, вышла из кухни.

Когда Десима вернулась, виконт ставил на плиту большой чайник. Десима стояла в дверях, изучая своего спасителя.

Высокий, атлетически сложенный, с безупречной фигурой, длинными ногами и большими сильными руками, он был хорош той самой мужской красотой, которая так волнует женщин...

Десима подняла взгляд. Темные, слегка растрепавшиеся волосы – трудно сказать, является ли этот беспорядок следствием моде или простой беспечностью, – немного смягчали его уж очень мужественную внешность. Серые глаза, кажущиеся зеленоватыми при свете лампы, и самый чувственный рот, какой она когда-либо видела, прекрасно дополняли этот необыкновенно привлекательный облик.

Десима наконец опомнилась, прервав поток неуместных мыслей, и поспешно отвернулась. Что на нее нашло? Снова посмотрев на него, она внезапно ощутила холодок страха, пробежавший по спине.

Это не был страх перед виконтом. По какой-то причине Десима не испытывала никакого смущения, общаясь с ним. Почему? Ведь мужественный и сильный незнакомец успешно завлек ее в дом, где не было ни одной женщины.

Нет, ее смущала и пугала собственная реакция на него.

Десима, которая в то утро приняла решение жить своим умом и собственной жизнью, словно с цепи сорвалась и теперь испытывала абсолютно недопустимые фантазии. Ей хотелось, чтобы лорд Уэстон поцеловал ее, хотелось снова почувствовать его мощную грудь под своими ладонями, не когда она дрожала от холода, а сейчас, когда они были в тепле и безопасности. Ей хотелось коснуться его волос, провести пальцами по решительному подбородку, знать, каково это, когда его выразительный рот касается ее губ...

Она знала, что это опасные мысли. Каким бы достойным ни был джентльмен, невозможно требовать от него, чтобы он оставался таковым, имея под самым носом женщину, дрожащую от желания.

Все же, думала Десима, стараясь унять свои фантазии, он уже видел ее при хорошем освещении, и было утешительно сознавать, что ему известно худшее о ее внешности и что она не увидит в этих серых глазах удивления или еще того хуже – жалости, а возможно, и презрения.

Было два основных типа поведения мужчин в отношении Десимы. Подавленное смирение, если это были родственники, или откровенно выраженная тревога, если это были потенциальные поклонники, которых уговорили встретиться с веснушчатой жердью. Она же судила о них по тому, насколько они были тактичны или бестактны с нею.

Надо сказать, в этом смысле сэр Генри Фрешфорд был исключением. Макушка Генри приходилась Десиме на уровне глаз, и он весело соглашался с ней, что менее всего они желают стать супругами. При этом незадачливые жених и невеста оставались добрыми друзьями и соболезовали друг другу по поводу матримониальных планов их родственников. Если не считать Генри, Десима чувствовала себя ужасно неловко со всеми мужчинами. До сегодняшнего дня.

Оторвавшись от грез, она обнаружила себя объектом столь же тщательного изучения.

- Ну, Десима? Я прошел осмотр?

Сколько времени она молча разглядывала его и как давно он это заметил?

- Пройдете, если сможете поддерживать эту плиту в рабочем состоянии.

- Я положил кирпичи в духовку и поставил на конфорку чайник.

- Отлично. - Десима опустила на стул и сняла накидку. - Пру легла спать. Я развела огонь во всех комнатах, включая вашу, и задернула портьеры.

Одна темная бровь слегка приподнялась.

- Вы развели огонь в моей спальне? Благодарю вас.

Десима покраснела, ожидая критики.

- Не думаю, что вы должны простужаться только из-за того, что хотите избавиться от шокирующего зрелища комнаты джентльмена, милорд.

- Действительно. Надеюсь, миссис Читти убрала не слишком пристойные гравюры, пустые бутылки из-под бренди и наиболее вызывающие предметы нижнего белья. Кстати, мое имя Эдам. Почему бы вам не называть меня так?

- Согласна, нам вместе предстоит вести хозяйство в течение нескольких дней, Эдам.

- Вы умеете стряпать?

- О... более-менее, - весело отозвалась Десима, вместо правдивого ответа, что она не умеет даже кипятить воду.

И тут за окнами раздались грохот и крик. Эдам быстро пересек комнату, и задняя дверь захлопнулась за ним, прежде чем девушка успела набросить накидку, схватить самую большую лампу и последовать за виконтом. При ее свете Десима увидела расprostертую фигуру Бейтса посреди полосы предательски поблескивающего льда, тянувшейся от лошадиной поилки.

Даже на таком расстоянии нельзя было не заметить, что правая нога Бейтса изогнута под абсолютно неестественным углом. Снегопад прекратился, и все сверкало холодной белизной.

Нырнув в дом, Десима схватила накидку Пру и осторожно двинулась по ледяной поверхности.

– Вот. – Она набросила накидку на плечи грума. – Вы повредили что-нибудь, кроме ноги?

– Нет, но хватит и этого, мисс. – Его губы побелели, а когда Эдам притронулся к его ноге, он конвульсивно дернулся. – Ад и дьявол! Оставьте ее в покое, черт побери!

– Ну да, – произнес Эдам. – Я оставлю вас здесь замерзать до смерти, ладно? И следите за вашим языком, когда вас слышит мисс Росс.

– Пусть ругается, – сказала Десима. – Так ему будет легче. Мы должны наложить на ногу лубок, прежде чем передвигать его, – добавила она.

– Нет времени. Будет больно, но это лучше, чем замерзнуть. Потерпите, Бейтс.

Поток ругательств, которыми разразился грум, когда Эдам поднял его и понес через двор, вынудил Десиму зажать уши ладонями, а потом осторожно убрать их из чистого любопытства. Как ей показалось, грум ни разу не повторился. Она закрыла за ними дверь.

– В какой комнате вы развели для него огонь?

– В первой справа.

Десима взбежала вверх по лестнице. Когда вошел Эдам, она откинула покрывало и зажгла свечи.

- Что нужно принести?

- Пожалуйста, ступайте вниз, мисс Росс. - Эдам склонился над грумом, которого только что уложил на кровать. - Вряд ли нам предстоит приятная процедура.

Десима начала думать вслух, загибая пальцы:

- Острый нож, чтобы разрезать сапог и бриджи. Ночная рубашка, которую мы наденем на него сразу, чтобы не тревожить потом. - Бейтс устремил на нее негодующий взгляд. - Лубки, бинты и лауданум[5 - Лауданум - препарат опиума.]. Пойду посмотрю, что смогу найти.

Когда Десима вернулась, Эдам успел надеть на него ночную рубашку. Она протянула ему нож и накапала лауданум в стакан.

- У миссис Читти есть все, что нужно. Выпейте, Бейтс, это поможет. Как вы думаете, милорд, немного бренди не помешает? Я принесла бутылку.

Эдам пожал плечами:

- Крепкое ему не повредит.

Грум проглотил напиток.

- Я принесла для лубков прямое полено и нашла в корзине для штопки простыню и разорвала ее.

- Благодарю вас, мисс Росс, вы весьма находчивы. - Эдам снял сапог со здоровой ноги грума и задумчиво посмотрел на другую. - Теперь отойдите, пожалуйста.

Десима повернулась к двери. Ей не хотелось здесь оставаться и видеть страдания Бейтса, а тем более то, что скрывает этот сапог. Но покорно спуститься вниз, как хорошая девочка, когда, вероятнее всего, здесь понадобится ее помощь, она не могла, это походило бы на трусость.

– Выметайтесь отсюда, мисс, – огрызнулся Бейтс.

– Ругайтесь сколько хотите, – ободряюще произнесла Десима. – Держите меня за руки. Нет, милорд, – добавила она, когда Эдам попытался заговорить. – Я не собираюсь «выметаться», что бы сейчас ни сказал любой из вас.

– Вы когда-нибудь встречали женщину, которая не была бы упрямой, как мул, Бейтс? – поинтересовался Эдам.

– Едва ли, милорд.

– Должно быть, вы много общались с неотесанными людьми, мисс Росс. Ну вот, Бейтс, с сапогом покончено. Теперь бриджи. С лошадьми все в порядке или мне придется тащиться в конюшню и заниматься ими, когда я подлатаю вас?

Десима возмущенно полуобернулась и успела увидеть на лице Бейтса кривую усмешку.

– Они в полном порядке, милорд.

Она поняла, что Эдам вовсе не собирался упрекнуть слугу в безответственности, а просто старается отвлечь Бейтса разговорами от происходящего.

– Коляски нет? Бейтс, вы слышите меня?

Грум, чьи глаза начали закатываться, с трудом взял себя в руки.

– Да, нет коляски и верховой лошади. Похоже, мисс Читти и остальные уехали за покупками и не смогли вернуться... Тысяча чертей!

– Мне нужно было убедиться, что перелом только в одном месте. Хмм... Во всяком случае, кость наружу не вышла. Сейчас я ее вправлю, позволяю вам лишиться чувств, когда захотите, Бейтс.

– Благодарю вас, милорд. – В голосе Бейтса не слышалось особой признательности.

Десима ободряюще улыбнулась, последовала неприятная минута, когда лицо Бейтса стало белым, а руки, сжимавшие пальцы Десимы, едва не раздавили их. Эдам тихо выругался. Бейтс откинулся назад.

– Он потерял сознание, – вслух произнесла Десима и подумала: «Только бы меня не стошнило».

– Хорошо. Мне нужна еще одна пара рук. Можете сжать его ногу выше колена и держать, пока я буду тянуть ее, чтобы соединить кости?

Она сосредоточила взгляд на склоненной голове Эдама, сжимая ногу Бейтса и молясь, чтобы тот не пришел в себя. «Не думай об этом! Просто делай все, как если бы это была лошадь!»

– Отлично. Можете отпустить ногу. Слышите, Десима?

– Да, конечно. – Она заставила себя разжать пальцы. – Лубки и бинты здесь... – Десима судорожно сглотнула и поднялась. – Пойду принесу горячие кирпичи.

Она смогла добраться до кухни, говоря сама с собой, пока спускалась по лестнице:

– Горячие кирпичи для Бейтса и Пру, заодно приготовить кровати. Надо найти, во что завернуть кирпичи. Проверить чайник, посмотреть, горит ли плита. Нам понадобится что-нибудь, чтобы постельное белье не касалось ноги.

Восхитительная миссис Читти держала в кладовой стопку аккуратных фланелевых квадратных салфеток. Десима завернула в них четыре кирпича и нетвердым шагом направилась вверх, встретив на площадке Эдама с брусьями под мышками.

– Я не мог найти табурет подходящего размера, но брусья облегчат вес. Принесли кирпичи? Молодчина! Дайте мне один и можете навестить вашу горничную.

Десима положила кирпич в кровать Пру и в свою и открыла дверь комнаты Эдама, намереваясь пристроить кирпич в постель Эдама. Из комнаты Бейтса

доносились мучительные стоны, прерываемые замечаниями виконта. Это было уже чересчур. Десима согнулась вдвое, и ее вырвало в красивый фарфоровый умывальник.

– Десима? Где вы? О, бедная девочка! Садитесь, я принесу вам что-нибудь выпить.

Она схватила поданный стакан, сделала большой глоток и задохнулась.

– Это же бренди!

Глава 4

– Бренди пойдет вам на пользу. Выпейте до дна. – Эдам взял стакан из дрожащей руки Десимы и поставил его на столик у кровати. – Вы героиня. Без вас я бы не справился.

– Когда я почувствовала, как движется кость... – Она оборвала фразу и провела рукой по лицу. – Сейчас мне лучше. Как Бейтс?

– С ним все будет в порядке. Я влил в него еще одну порцию лауданума, и он отключился, как задутая свеча. Если он продержится в таком состоянии всю ночь, утром ему станет легче.

– Откуда вы знаете? – Десима с любопытством посмотрела на него, и он с тревогой отметил бледность ее кожи. Впрочем, ее кожа была очень хороша – гладкая, бело-розовая и покрытая маленькими веснушками, как будто кто-то рассыпал крошечные зернышки по ее носу и щекам. Сколько времени заняло бы поцеловать каждую из них? Его вдруг заинтересовало, есть ли веснушки и на других частях ее тела.

– У меня был такой же перелом, когда я упал с дерева в пятнадцатилетнем возрасте. Я наблюдал за доктором, когда не кричал во всю глотку.

Десима хотела подняться, но снова опустилась на кровать с закрытыми глазами.

– У меня кружится голова.

– Естественно. Если вы ляжете и закроете глаза, то скоро почувствуете себя лучше. – Он опустил ее на подушки. С сонным бормотанием Десима свернулась калачиком в складках мягкого покрывала. – Отдыхайте. – Но она его не услышала, потому что уже спала.

Эдам стоял, глядя на нее со странным чувством нежности. Десиму едва ли можно было назвать хрупким цветочком, но в ней было нечто уязвимое, несмотря на ее решительность и высокий рост. Впрочем, в мужестве ей тоже не откажешь. Он спросил себя, смогла бы одна из его знакомых леди обойтись без истерики, оказавшись сегодня на месте Десимы Росс, и уверенно ответил «нет». Странно, что она не замужем. Конечно, она высоковата ростом, но ее необычное лицо и живость характера должны были привлечь внимание высоких умных джентльменов.

Возможно, где-то существует встревоженный жених, который может вызвать на дуэль виконта Уэстона, узнав, что произошло. Одного того, что она оставалась с ним наедине, было достаточно для хорошего скандала. Об этом стоит подумать.

Он накрыл Десиму свободной стороной покрывала и вышел.

Эдам задержался наверху, чтобы поддержать огонь в каминах.

Отрезав себе кусок стилтона[6 - Стилтон – сорт английского сыра.] в кладовой и выудив из банки несколько пикулей, Эдам к семи часам решил, что ему придется отправиться на поиски пищи или все они будут обречены на голод.

Кухонная дверь скрипнула. На пороге стояла Десима с покрасневшимся от сна лицом, в наброшенной на плечи шали и с растрепанными волосами, пробудившими в нем желание растрепать их еще сильнее. Эдам поспешно встал, но тут же понял, что оставаться сидеть с аккуратно скрещенными ногами было бы куда предусмотрительнее.

– Я спала, – обвиняющим тоном заговорила она, – в вашей кровати. Чарлтон был бы возмущен.

– Думаю, Чарлтон возмутился бы еще сильнее, если бы я отнес вас и уложил в вашу кровать. Думаете, он пришлет мне вызов?

С улыбкой кутаясь в шаль, Десима вошла в кухню.

– Что за чудесная была бы картина! У Чарлтона неподходящая фигура для дуэлей, не говоря уже о темпераменте. Бейтс и Пру все еще спят, а я проголодалась.

– Я тоже. Вы сказали, что более-менее умеете стряпать.

– Я преувеличила... нет, солгала. – Десима покраснела и уставилась на кончики своих туфель. – Могла бы сказать правду. Может, нам заглянуть в кладовую и посмотреть, что там есть?

Продуктов, которые они разложили на кухонном столе, было немного, но молодые люди и этому обрадовались.

Холодная баранина, сыр, горбушка хлеба, масло и сливовый пирог запивали элем и водой (в случае Десимы). Эдам не припоминал, чтобы когда-нибудь так наслаждался едой.

Было приятно ужинать с женщиной, которая демонстрировала превосходный аппетит и не старалась выгладеть истинной леди. К тому же Десима вообще не была церемонной, она забыла убрать локти со стола в разгар спора об архитектурных вкусах принца-регента[7 - Имеется в виду будущий король Великобритании Георг IV (1762–1830, на троне с 1820 г.), в 1811–1820 гг. исполнявший обязанности регента при душевнобольном отце, короле Георге III.], размахивала ножом в воздухе, делясь своими познаниями в искусстве разведения лошадей, и хохотала до слез, когда Эдам рассказывал довольно скабресную историю о двух патронессах Олмакса[8 - Олмакс – фешенебельный лондонский клуб в 1765–1871 гг.].

– Мне не следовало рассказывать вам это, – с сожалением признал Эдам.

Десима держалась с ним легко и непринужденно, отчего он невольно подумал, что эта девушка ничуть не уступает в беседе эффектным молодым дамам, к

которым он привык в лондонском высшем свете. Но Десиме была свойственна очаровательная девичья непосредственность, которой у светских дам просто быть не могло.

- Вероятно, - с усмешкой согласилась она. - Но я рада, что вы это сделали. Они по-свински обошлись со мной, когда я впервые вышла в свет, поэтому мне доставило удовольствие представить их в такой неловкой ситуации.

- Почему они обошлись с вами по-свински? - Ему было трудно представить себе кого-нибудь, нелюбезного с Десимой. - Вы нарушили одно из их нудных правил и станцевали вальс, прежде чем вас одобрили?

- Вальс? - Она уставилась на него как на безумного. - Кто пригласил бы танцевать девушку ростом в пять футов и десять дюймов?

- Я, - просто ответил Эдам. - Вы хотите сказать, что не умеете вальсировать?

- Умею - просто мне никогда не приходилось этого делать на практике. Бедный синьор Маццетти! Он делал все, что мог. От смущения я часто наступала ему на ноги. В общем, хорошо, что меня никогда не приглашали танцевать.

Эдам отодвинул свою тарелку и поднялся. «Должно быть, я спятил», - подумал он.

- Потанцуем?

- Но здесь нет музыки, а кроме того, кто будет мыть посуду?

- Я буду напевать, а посуду мы потом помоем вместе.

В чудесных серых глазах светились испуг и озорство. Эдам предпочитал озорство.

- Я очень энергичный танцор, мисс Росс. Могу я пригласить вас?

Десима поднялась и присела в реверансе.

– Благодарю вас, милорд, хотя боюсь, что меня не одобрили патронессы.

– К дьяволу патронесс. Итак? Раз, два, три...

Он был прав – это нисколько не походило на танец с синьором Маццетти. И Десима могла вальсировать, несмотря на зимние туфли и тяжелые юбки, между кухонным столом и маслобойкой, шкафом и ящиком с мукой, смеясь, подпевая Эдаму, покуда не споткнулась и не оказалась в опасной близости от его груди.

– О боже! – Она дышала с трудом, отчасти от смеха, отчасти от странного возбуждения. – Это бренди... Должно быть, я до сих пор пьяна.

– У вас кружится голова. Отдохните немного. – Серебристо-серые глаза Эдама становились зелеными от пламени свечей. – Просто по стойте. – Он не отпускал Десиму, держа ее одной рукой за талию, а другой за руку.

Десима чувствовала, что склоняется к нему, отвечая его призывному взгляду, который так притягивал ее.

Губы Десимы инстинктивно раскрылись. Не следовало пить этот бренди – недаром незамужним девушкам запрещают употреблять спиртное.

Его рот был совсем близко – ей нужно было только чуть приподняться на цыпочках. Ее глаза закрылись. Это вот-вот произойдет. Десима могла думать только о ближайших десяти секундах – дальше не было ничего.

Теплое дыхание щекотало ей губы.

– Десима. – Слово прозвучало так тихо, что она скорее почувствовала, чем услышала его.

– М-м-м?

Звук хлопнувшей двери наверху. Слабый голос:

– Мисс Десси?

Десима моргнула, отшатнулась и нащупала за спиной обеими руками спинку стула.

– Пру. Должно быть, она проснулась. Я поднимусь и посмотрю...

Пошатывающаяся Пру стояла в открытых дверях, сонно моргая в дрожащем пламени свечи, которую Эдам поставил на столе у лестницы. Десима заставила горничную вернуться в спальню.

– Ложись в постель, Пру. Тебя здесь просквозит.

– Мне нужно в уборную, мисс Десима, а я не могу найти ночной горшок.

– Я провожу тебя. В конце этого бокового коридора настоящий ватерклозет.

Обе, нетвердо стоя на ногах, но по разным причинам, с минуту глазели на эту современную роскошь, потом Пру вошла внутрь и закрыла дверь. Радостное возбуждение после танца все еще кипело в крови Десимы, но к нему примешивалось чувство тоски. Эдам почти поцеловал ее. Никто никогда не целовал Десиму, кроме членов ее семьи. «Каким образом мое тело знает, что этого не произошло?» – подумала она, проводя руками по груди и плечам и стараясь отогнать странную дрожь, охватившую ее.

«Вероятно, он считает меня старой девой, изголодавшейся по любви и ласкам». Назойливый внутренний голос нашептывал: «Ты и есть отчаявшаяся старая дева, готовая броситься в объятия первого попавшегося интересного мужчины».

Тарахтение металлического механизма и звук льющейся воды служили уничтожающим контрапунктом к этой неприятной истине. Десима заставила себя сосредоточиться на том, что Пру, очевидно, чувствует себя не так плохо, если смогла справиться с незнакомым устройством.

Горничная вышла из уборной, смущенно моргая.

– Где мы, мисс Десси?

«О боже!» Десима постаралась, чтобы ее голос звучал как можно прозаичнее:

– Это дом лорда Уэстона, он спас нас от снегопада?

– Я не помню никакого снегопада, мисс Десси. И никакого лорда. О, моя голова...

Десима разгладила мятые простыни, взбила подушки и снова уложила горничную в кровать.

– Мы попали в снежную бурю, Пру, и ты заболела, но здесь мы в безопасности. – Она внутренне содрогнулась от собственной лжи. Пру, может быть, в безопасности, но ее хозяйка пребывала в дюйме от серьезной опасности, исходящей в основном от нее самой.

Теперь постель была достаточно теплой, а комната – уютной, благодаря огню, потрескивающему в камине. Десима оставила дверь приоткрытой и пошла взглянуть на Бейтса. Он громко храпел, несомненно под влиянием лауданума и бренди. Она проверила камин в своей комнате и комнате Эдама, прежде чем понять, что оттягивает момент, когда придется спуститься вниз.

Десима стояла за кухонной дверью, глубоко дыша и пытаясь придать лицу спокойное выражение. Оказалось, что самостоятельная жизнь означает ответственность за собственные ошибки. Расправив плечи, Десима вошла в кухню.

Эдама там не было, но почти сразу она услышала шум из буфетной и заглянула туда. Ее смущение растворилось в приступе смеха. Его лордство был облачен в широкий белый фартук и энергично отмывал тарелку в тазу с горячей водой.

– Что вы делаете?

– Мою посуду. Вода хорошо нагрелась на плите, и я решил, что нужно ею воспользоваться.

– Я потрясена, – призналась Десима.

Эдам серьезно посмотрел на нее:

- Сода – едкое вещество. У судомоек должны быть грубые руки.

- Возможно, где-то есть ланолин. Им пользуется наша кухарка. – Десима начала поиски. – Смотрите, вот банка. Ополосните руки в чистой воде, вытрите их насухо и вотрите его в кожу.

Эдам вымыл последнюю тарелку и последовал совету Десимы, морща нос от запаха ланолина.

- Пахнет овчиной.

- Почему аптекари не думают об этом? – пробормотала Десима, нашла полотенце и начала вытирать тарелки. – Душистый ручной крем для джентльменов, которые сами моют посуду. Они могли бы продавать его с вашим гербом на банках – «Специальный ручной бальзам для мытья посуды лорда Уэстона. По договоренности. У каждой судомойки могут быть такие же мягкие руки, как у виконта».

- Остроумно, – одобрительно заметил Эдам.

- Надо накормить Пру, когда она снова проснется. И мы должны будем накормить Бейтса – я уверена, что ему это необходимо. А утром нам понадобится завтрак. Да, и, кроме того, мне нужна ячменная вода для Пру.

- Посмотрите в кладовой, – предложил Эдам. – Там, где был лауданум.

Спустя полчаса на одном краю кухонного стола лежала пачка тетрадей, а на другом стоял ряд маленьких бутылочек. Десима с признательностью смотрела на них.

- Спасибо миссис Читти. Здесь есть сироп от кашля, порошок от головной боли и лавандовая вода, а в этой красной тетради полно медицинских рецептов.

Эдам перелистал тетрадь:

– Вот рецепт ячменной воды. Нужно положить ячмень в воду и оставить на ночь. – Он продолжал читать, покуда Десима рылась в ящиках с припасами, пока, наконец, не достала с триумфом ковш, полный ячменя. – В теплую воду. Утром добавить лимонный сок и сахар.

– Думаю, мы должны прежде всего попробовать что-нибудь испечь, – печально сказала Десима, беря одну из тетрадей с кулинарными рецептами. – Осталась одна буханка хлеба. И мы не сможем долго прожить на холодном мясе. О боже! – Она зевнула. – Я должна пойти спать.

Эдам наполнил горячей водой кувшины и отнес их наверх, покуда Десима освещала дорогу.

– Я мог бы сделать неплохую карьеру в качестве слуги, вам не кажется? – Он поставил один кувшин на ее умывальник и задержался у двери, когда она вошла. – Доброй ночи, Десима. – Поцелуй, который он запечатлел на ее лбу, был таким быстрым, что она все еще моргала, недоумевая, когда дверь спальни закрылась за ним.

– Доброй ночи, Эдам, – обратилась Десима к дверной панели. Это был не тот поцелуй, о котором она мечтала.

Улыбаясь собственной глупости, Десима откинула покрывало на кровати и начала раздеваться.

Глава 5

Десима смогла крепко поспать два часа, прежде чем ее разбудил шум в соседней спальне.

Но Пру не звала ее – просто громко разговаривала в жару. Ее лоб пылал, она ворочалась в постели со стонами и кашлем. То, что Пру не проснулась, беспокоило Десиму – это могло означать, что девушка серьезно больна.

Все, что она могла делать, – это сидеть у кровати, смачивая лоб и губы Пру губкой и шепча слова утешения.

С площадки доносились тихие звуки шагов и бормотание голосов. Его лордство не спал, занимаясь Бейтсом. Было утешительно, что другие тоже не спят в тихом простуженном доме.

Глядя на огонь, Десима внезапно подумала, как ей повезло, что Эдам Грантам оказался именно таким человеком. Ей и в голову не приходило, что джентльмен – аристократ! – мог так спокойно и уверенно справляться с домашним хозяйством и ухаживать за больными.

Когда часы пробили три, вода почти кончилась, а огонь догорал в камине. Десима подбросила в огонь полено и взяла кувшин.

Дверь комнаты Бейтса напротив была открыта, и пламя свечей отбрасывало полосы света в темный коридор. Десима заглянула внутрь – грум лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Десима на цыпочках вышла на площадку и замерла при звуке приближающихся шагов. Эдам появился из коридора, который она считала ведущим в уборную, неся предмет, скромно прикрытый полотенцем.

При виде ее он улыбнулся; его зубы блеснули в полумраке коридора.

– Доброе утро, Десима.

Она отвела взгляд от ночного горшка, сосредоточив его на роскошном парчовом халате Эдама: черные драконы извивались на алом фоне, извергая из пастей золотые струи. Это выглядело экзотично и в высшей степени по-мужски.

– Как великолепно!

– Благодарю вас, мисс Росс. – Улыбка Эдама была откровенно игривой.

– Я имела в виду ваш халат, – объяснила Десима и вдруг с ужасом осознала, что не надела свой халат и только тонкая ночная сорочка прикрывает ее тело от

заинтересованного взгляда виконта.

- Это великолепно, - оценил Эдам.

Судя по блеску глаз, ум Эдама был занят чем угодно, только не больными. Десима почувствовала, что краснеет, и со страхом поняла, что ее соски торчат под тонким хлопком.

- Я должна принести воды, - пробормотала Десима, скользнув вниз по лестнице скорее поспешно, чем с достоинством.

- Может быть, поставите чайник? - с надеждой бросил он ей вслед.

- Хорошо, - отозвалась она.

Десима наполнила кувшин и поставила чайник, греясь у плиты.

К счастью, Эдама наверху не оказалось. Десима надела халат из тонкого шелка.

Губы Пру пересохли от жара, Десима поднесла чашку к ее губам, и та с жадностью припала к ней. В воду было подмешано немного порошка от головной боли. Утолив жажду, Пру откинулась на подушки, а Десима села рядом, чтобы смочить ей лоб лавандовой водой.

Позади открылась дверь, и, прежде чем Десима успела обернуться, тяжелый парчовый халат мягко опустился ей на плечи.

- Что...

- Ш-ш. - Эдам поставил чашку чая на столик у кровати. - У меня два таких халата. Если вы просунете руки в рукава, мы сможем закатать их.

Десима встала и закуталась в халат из тяжелого янтарного шелка, украшенного замысловатым рисунком из орхидей и лилий, коричневых, золотых и цвета слоновой кости.

– Какой красивый, – похвалила она. Халат полностью закрыл ей ноги, а руки исчезли в глубоких рукавах.

– Позвольте мне. – Эдам уверенно закатал ей рукава. – Вот. Теперь, если мы приспособим пояс... Куда он делся? – Его руки шарили вдоль талии Десимы, ища свисающие концы пояса, и ее прикрытая шелком грудь коснулась его груди, вызвав у нее внутреннюю дрожь. На этот раз у нее не было сомнений в том, почему заторчали ее соски.

– Я сделаю это сама! – Десима выхватила у него из рук концы пояса и завязала их бантом. – Благодарю вас.

Рядом беспокойно зашевелилась Пру, и она повернулась к ней, радуясь предлогу. Эдам внезапно стал слишком близким, слишком большим, слишком горячим и, главное, слишком мужчиной, поэтому ей хотелось остаться одной и разобраться со странными новыми ощущениями.

Десима смочила лоб больной лавандовой водой и обернулась назад с неловкой улыбкой.

– Мне не следовало разговаривать, – прошептала она. – Думаю, это ее беспокоит.

Эдам всего лишь улыбнулся, и в следующий момент дверь мягко закрылась за ним.

Часы пробили шесть, Эдам заморгал и выпрямился в кресле, поморщившись, когда запротестовали его затекшие мышцы. Бейтс, наконец, поддался усталости и теперь крепко спал, сотрясая воздух могучим храпом.

Нужно было позаботиться о четырех лошадях, принести дрова и уголь, развести огонь и приготовить пищу, помимо того, что может понадобиться Бейтсу. Он сосредоточенно решал, с чего начать, и определил первым номером топливо, затем лошадей, потом все остальное. А позже он примет горячую ванну с пенящимся мылом, приготовив заранее пару турецких полотенец, нагретых у камина.

«А кто, – спросил себя Эдам и зевал, рискуя вывихнуть челюсть, – собирается притащить все эти ведра воды, найти и согреть полотенца?» Сколько он платит своей прислуге? Явно недостаточно, судя по его теперешнему опыту ведения домашнего хозяйства.

Эдам представил, как Десима трет ему спину, скребет щеткой плечи в массе пены, прикасаясь... Стоп! Что с ним происходит? Эдам печально усмехнулся. Это не составляло особой тайны, но почему его возбуждает длинноногая, веснушчатая, засидевшаяся в девицах барышня?

Он походил по площадке. Тишина. Открыв дверь, Эдам увидел Десиму, спящую на стуле в неудобной позе, склонив верхнюю часть тела на кровать рядом с Пру. Подойдя к кровати с другой стороны, он положил ладонь на лоб горничной. Лоб был теплым, но влажным, и она спала крепко и спокойно. Лихорадка прошла.

Эдам стоял, глядя на Десиму и удивляясь волне жалости, которая нахлынула на него, вытеснив эротические мысли. Сгорбившаяся и съежившаяся, уткнувшись в одеяло лицом, с упавшей на подушку прядью волос, колышущейся от ее легкого дыхания, она между тем выглядела восхитительно.

Наклонившись, Эдам осторожно поднял девушку и понес в ее спальню. Уложил Десиму в постель, снял с ног лайковые шлепанцы и укрыл ее одеялом. Она не шевельнулась.

Эдам обнаружил, что тяжело дышит, как будто тащил Десиму наверх целую милю. Черт возьми! Джентльмены не забавляются с девственницами, нашедшими убежище под их кровом.

Казалось, Десима не имеет понятия о флирте, думал Эдам. Она держалась абсолютно непринужденно во время их импровизированного вальса, едва не окончившегося поцелуем, а ночью на площадке выглядела совершенно невинной, хотя и смущенной его поддразниваниями.

Почему она не замужем? Он не встречал таких высоких женщин, но в обществе много высоких джентльменов, которые так же, как он, были бы очарованы ее своеобразной красотой, грацией и шармом.

Быть может, у нее нет денег? Отсутствие приданого было бы препятствием для большинства красивых девушек, но ее одежда, качество кареты и присутствие двух кучеров опровергали это предположение.

Бросив долгий взгляд на фигуру в кровати, Эдам пошел разводить огонь в других каминах, затем быстро умылся холодной водой в своей спальне и спустился выполнять ожидавшие его домашние обязанности.

Десима просыпалась медленно – ей не хотелось покидать теплую, мягкую кровать с шелковыми простынями. Шелковые простыни? Ее глаза внезапно открылись. Нет, это не шелковые простыни – ее ноги были укутаны в роскошную ткань восточного халата.

– Каким образом я вернулась в кровать? – Десима села, разглядывая комнату при ясном и холодном утреннем свете. Одеяло было подвернуто, шлепанцы аккуратно стояли у камина, а огонь весело потрескивал за решеткой. – О боже! Он на руках отнес меня в кровать!

Судорожно глотнув, Десима отбросила одеяло.

Странное ощущение жара внутри вернулось. Десима чувствовала беспокойство и напряжение. Конечно, она не могла сама улечься в постель, иначе она бы это помнила.

Господи! Пру! Ей не следует прохлаждаться в постели, борясь с неприличным влечением к Эдаму Грантаму, когда она должна ухаживать за своей бедной горничной. Десима выбралась из кровати и поспешила в соседнюю комнату.

– Пру? Ты проснулась?

– М-м-м? Мисс Десси? О, моя голова!

Десима с тревогой коснулась ее лба, с облегчением убедившись, что он хоть и горячий, но влажный. Застывшее ночью недоуменное выражение исчезло с лица горничной.

– Лежи спокойно, Пру, у тебя еще сильный жар. Хочешь чашку чаю?

– Да, пожалуйста, мисс Десси. – Пру попыталась сесть, и Десима помогла ей прислониться к подушкам. – Но вы не должны ухаживать за мной. Где служанка?

– Здесь нет прислуги, Пру. Дай мне накинуть эту шаль тебе на плечи. Мы в занесенном снегом доме лорда Уэстона с ним и его грумом, который сломал ногу. – Пру удивленно заморгала, но вроде бы поняла, что ей сказали. – Я найду тебе какой-нибудь завтрак, а потом ты умоешься и наденешь свежую ночную сорочку.

Эдама внизу она не обнаружила, но в кухне горела плита, а у двери стоял штабель сырых дров.

Через двадцать минут Десима уже поднималась по лестнице с подносом. Она нашла молоко, все еще свежее на вкус благодаря холоду, и согрела его на плите, добавив к нему нарезанный хлеб, сахар и немного корицы. Горло Пру, вероятно, сможет это выдержать.

Пру все съела и выпила чай. Десима приободрилась, но после похода через площадку в уборную горничной внезапно снова стало дурно, и Десиме пришлось буквально тащить ее в кровать. Девушка заснула, прежде чем успела закутаться в одеяло.

Десима вернулась в свою комнату, надела зимние туфли, накинула на плечи плотную шаль и поспешила вниз. Пора снова встретиться с его лордством.

Эдам вытер рукавом рубашки вспотевший лоб и приступил к обихаживанию второй каретной лошади. Он вычистил четыре стойла, накормил и напоил животных.

Тяжелый физический труд пошел ему на пользу. Работа отвлекала от мыслей о том, что делать с оказавшейся в его доме леди и как решить проблему отсутствия прислуги.

Позади скрипнула дверь, и долгожданный аромат защекотал его ноздри.

– Кофе? – осведомилась Десима, ставя глиняную кружку на край кормушки. – Я приготовила черный с сахаром, но могу добавить молока.

Эдам нырнул под лошадиную шею, чтобы дотянуться до кружки, сознавая, что сделал это, чтобы не смотреть на Десиму и не подходить к ней слишком близко.

– Все в порядке, благодарю вас. Вы хорошо спали?

– Да. Спасибо за то, что уложили меня в кровать. – Никаких хождений вокруг да около! Она произнесла это вполне спокойно и даже несколько холодновато.

– Вы выглядели усталой. Я подумал, что вам нужно поспать как следует, и ваша горничная выглядела уже совсем неплохо.

– Я накормила ее хлебом с молоком, но она еще слаба, как котенок. – Казалось, голос Десимы доносится издалека.

Эдам нырнул назад под шею серой и обнаружил, что мисс Росс исчезла.

– Доброе утро, красавец! Да, ты красивый парень! Могу я спросить, откуда ты знаешь, что у меня в кармане сахар? – ворковала Десима в стойле Лиса.

Пробормотав ругательство, Эдам последовал за ней и был несказанно удивлен, увидев, что девушка спокойно кормит коня сахаром и при этом почесывает его за ухом. На морде жеребца было выражение сонного удовольствия, хотя при появлении Эдама он покосился в его сторону.

– Ах ты старый мошенник, – упрекнул коня Эдам. – У него репутация кусачего, но только посмотрите на него, – добавил он, обращаясь к Десиме. – Этот хитрец млеет, словно кошка.

– Достаточно, – твердо сказала Десима, отряхнув ладони. – Иначе ты растолстеешь. Он действительно ласковый, как кошка, – и нуждается в поощрении. Уверена, что вас он не кусает?

- Нет.

Эдам настороженно разглядывал Десиму. На ней было простое коричневое платье, на плечи она набросила большую шерстяную шаль, завязав ее на талии. Лента стягивала сзади ее волосы в длинный хвост, спускающийся на спину, на руках не было перчаток. Нос покраснел от холода, несколько пушистых прядей волос упало на щеки, и Эдам подумал, что она выглядит очаровательно. Почему? Ее платье было простым, не говоря уже о прическе, ни пудры, ни духов, ни драгоценностей. Она не сделала ни малейшей попытки приукрасить себя. С тенями усталости под глазами и рукавом, обслюнявленным Лисом, она отнюдь не походила на леди, но при этом выглядела прелестной и невероятно желанной.

- Что не так? - Десима с беспокойством смотрела на него. - Почему вы нахмурились?

- Сожалею. Лис обслюнявил весь ваш рукав. - Эдам глотнул горячий кофе. - Не стойте там - вы простудитесь.

- Нет, если буду выполнять какую-нибудь работу. - Сняв с полки щетку и гребешок, она похлопала Лиса по плечу. - Ну, хватит есть.

- Вы не можете ухаживать за моими лошадьми!

- Почему нет? Я всегда с удовольствием это делаю.

Десима проводила щеткой и гребнем по шее лошади длинными резкими движениями. Эдам наблюдал как зачарованный. У нее были сильные руки, она не гладила шею щеткой, а массировала кожу и мускулы.

Сильная, уверенная, высокая, по-своему женственная. Эдам смотрел на нее и сравнивал с богиней или амазонкой с длинными ногами и пышной гривой волос.

- У него холодные ноги. - Нагнувшись, Десима проводила руками по ногам Лиса. - Вроде бы он вчера ничего не растянул.

- Отлично. - Эдам не знал, что и сказать.

– Вы уже закончили с другими? Я не прочь позавтракать. – Это была не жалоба, а всего лишь веселое замечание.

– Нет, осталось полторы лошади. – И шагнул назад, чтобы покончить с работой. Он молился, чтобы каким-нибудь чудом миссис Читти появилась, прежде чем ему станет известно о Десиме что-нибудь еще привлекательное.

– Я обгоню вас, – сказала она. – Как зовут вашу вторую охотничью лошадь?

– Аякс.

– Давайте посмотрим, кто первый доберется до хвоста Аякса.

Смеясь, Эдам двинулся вперед. Они встретились в стойле Аякса.

Десима оказалась прижатой к плечу Аякса – мощный корпус лошади не поддавался ее спине. Эдам оказался прямо перед ней – в его глазах был насмешливый вызов.

Его рубашка была расстегнута на шее, демонстрируя дразнящий блеск темных волос; закатанные рукава обнажали сильные мускулистые руки, поднятые в притворной угрозе. Ее словно обдало жаром мужского тела, с его возбуждающим запахом свежего пота и кожи.

Десима подумала, что она никогда в жизни не видела более «мужского» зрелища. Внезапно она осознала, что не может совладать с собой, играя с непонятными ей силами, и выставит себя в глупом свете, что бы ни произошло дальше.

– Вы выиграли. Пойду готовить завтрак. – Она очень надеялась, что ее уход из конюшни выглядит достойно.

– Посмотри на себя! – сердито пробормотала Десима, глядя в зеркало.

Нос у нее был розовым, а щеки красными. Проклятые веснушки выступали так, словно каждую нарисовали чернилами. Волосы растрепались, а лицо казалось изможденным бессонницей. Сейчас она выглядела на все свои двадцать семь лет, если не больше. Десима скорчила себе рожу и поморщилась, глядя на свой рот. Ей давали понять, что широкий рот – не худшая из черт ее лица, а всего лишь одна из многих, но это не помогало. «Рыбьи губы» – так называли ее младшие кузины, когда они были детьми.

Как она могла подумать, что способна превратиться в уверенную независимую женщину, которая сама определяет свой образ жизни? Возможно, такое достижимо, но не за один день и одну ночь, не в компании светского мужчины, который был слишком джентльмен, чтобы смеяться над ней.

«Он смеется надо мной, – бормотал жалобный внутренний голос. – Он находит меня забавной». «Как ты нашла бы забавным ребенка, подражающего взрослым», – отозвался другой, циничный голос. Вчера вечером ей не нужен был бренди, чтобы у нее закружилась голова, – она и так была пьяна от свободы, возбуждения и чувства опасности, поэтому вела себя как... как дура.

Десима вытерла руки полотенцем, сбросила шаль и нашла фартук. Бекон, хлеб, одно яйцо. Для троих достаточно, но Бейтс, должно быть, уже проснулся и голоден.

Нож, хлебная доска, вилка. Что нужно для приготовления бекона? Вероятно, сковорода.

Он может в любую минуту вернуться и поинтересоваться, почему она вдруг убежала.

К счастью, когда задняя дверь открылась, на тарелке уже лежали подрумяненные тосты, а на сковороде шипел бекон.

Десима стояла спиной к двери, наливая горячую воду в кофейник.

– Все сделано, – весело сказал Эдам, как будто она не убежала сломя голову от игры, которую сама затеяла. – Бекон пахнет отлично.

Десима поспешно выложила его на тарелку, пока он не почернел. Она осторожно разбила яйцо над сковородкой и отскочила назад, когда оно начало шипеть.

– Слишком горячо. – Эдам наклонился над ней и поднял сковороду с огня, покуда яичница стала белой с коричневыми краями.

– Она испорчена, – сказала Десима, боясь, что ее голос задрожит.

– Нет. – Эдам выложил яичницу на тарелку – желток выглядел явно недожаренным. – Я умоюсь и отнесу еду Бейтсу.

Десима намазала тост маслом и положила его вместе с беконом, банкой варенья и кружкой кофе на поднос, подтолкнув его через стол к Эдаму, когда он вышел из буфетной.

– Надеюсь, утром он чувствует себя лучше и его нога не так сильно болит.

– Скорее у него болит голова. – Эдам усмехнулся и взял поднос. – Я загляну к Пру, когда поднимусь.

Десима машинально намазала маслом остальные тосты, поставив рядом варенье и тарелку с беконом. Кухонный стол казался уютным с ароматным беконом и стульями, придвинутыми к теплой плите. Почему это так на нее подействовало, Десима не имела понятия, но ее глаза наполнились слезами, и, едва понимая, что делает, она села за стол и заплакала, спрятав лицо в фартук.

– Эй! В чем дело, Десима? – Эдам опустился на колени рядом с ней, осторожно убрав фартук от ее лица. – Вы обожглись?

– Нет. Простите, это нелепо. Я никогда не плачу. – Она снова попыталась спрятать лицо, но ей помешали. Эдам сунул ей в руки большой носовой платок.

– Никогда?

– Никогда! – Ее голос дрогнул. Должно быть, ее нос, глаза и все лицо покраснели.

– Ну, если вы не плачете, – сказал Эдам, – значит, вы больны слезливостью. Это легко излечивается.

– Чем я больна? – Десима осторожно отодвинула от лица белую ткань.

– Слезливостью. Поешьте что-нибудь – это лучшее лечение. – Он наполнил тарелку и придвинул ее к ней. – Валяйте.

– Но что это за болезнь?

Десима взяла кусок, прожевала, закусила ломтиком тоста, и дрожь внутри исчезла.

– Точно не знаю. – Эдам быстро разрезал поджаренное яйцо. – Моя старая няня так называла это, когда я в детстве впадал в уныние без видимой причины. Но пища всегда помогала.

– А теперь у вас часто бывает слезливость? – спросила Десима.

Он ел яичницу с удовольствием – возможно, она была не так уж плоха.

– Не было годами. Подозреваю, что слезливость исчезает, если рядом нет никого, кто бы лечил ее ирисками. Бейтс проснулся и тоже ест ваш бекон. Он говорит, что его такая-сякая нога болит так и разэтак, если его лордство извинит ему подобные выражения, и что сам он лучше лечил бы даже собаку, но уверен, что его лордство сделал все возможное, учитывая, что у него было немного практики. К счастью, Пру спала во время этого выражения признательности за наши усилия.

– Он всегда так прямолинеен? – Десима высморкалась и спрятала платок.

– Обычно он просто ворчит. Это была одна из длинейших речей, какие я слышал от него, если не считать тирады, которой он разразился, когда я нес его вчера

вечером. Я унаследовал Бейтса от моего отца – тоже немногословного человека.

– Вот как? – Десима отодвинула грязную тарелку. – Вы помните, что завтра Новый год?

– Да. Нужно как-нибудь это отметить. – Эдам взял банку и начал щедро намазывать на тост крыжовенное варенье. – Мы могли бы испечь пирог.

– Нет яиц. Даже я знаю, что для пирога нужны яйца.

– Я что-нибудь придумаю. А вы возвращайтесь в постель. – Эдам налил еще одну чашку кофе и передал ей. – Идите.

– Но я только что встала! Сейчас девять, и у нас полно дел.

– Каких? – Он начал мягко подталкивать ее к двери. – Бейтс будет шокирован, если вы попытаетесь ухаживать за ним, Пру спит, лошади ухожены и могут ждать до вечера. Если вы понадобится Пру, я разбужу вас.

– Но...

– Если вы скажете это еще раз, я потащу вас наверх на руках. Хотите, чтобы я уложил вас в кровать? – Это было сказано без малейшего намека на флирт, а с угрозой.

Десима поджала хвост и повиновалась.

Она проснулась, когда часы пробили час, притом что в полдень ее не разбудили и двенадцать ударов. Из соседней комнаты доносился шум, прерываемый приступами кашля.

Десима выбралась из кровати, зашнуровала корсет и застегнула халат.

– Пру? Ты проснулась?

Горничная действительно проснулась, бледная и с затуманенными глазами, она сидела в постели с подносом, на котором расположились кувшин с мутно-белой жидкостью, ложка, бутылка с микстурой от кашля миссис Читти и чашка с остатками чего-то походившего на суп.

– Здравствуйте, мисс Десси. Я разбудила вас?

– Вовсе нет, Пру. – Десима присела на край кровати, отодвинув стопку журналов. – Как ты себя чувствуешь?

– Слабой, как ребенок. – Пру скорчила гримасу. – Но жар, кажется, прекратился – остался только этот изнурительный кашель. По-моему, лекарство помогает. Его принес милорд вместе с ячменной водой и каким-то супом во время ленча.

– Где он достал суп?

Пру пожала плечами и покраснела.

– Мисс Десси, он спросил меня как ни в чем не бывало: «Вы бы хотели посетить другой конец коридора, мисс Пруденс?» Ну, я чуть сквозь землю не провалилась, но его лордство отнес меня, поставил снаружи и тактично отошел, пока я снова не открыла дверь. Он настоящий джентльмен, даром что виконт.

Озадаченная Десима попыталась осмыслить последнюю фразу.

– Но, Пру, если он виконт, то должен быть джентльменом.

– Не обязательно, – мрачно отозвалась горничная. – Большинство из них, по слухам, законченные повесы. Ни одна женщина не может чувствовать себя с ними в безопасности.

– Думаю, с этим виконтом мы в безопасности, – сказала Десима, закусив губу, но она была не совсем уверена в том, что это правда и что она рада этому. – Ты не думаешь, что тебе следовало бы снова лечь и отдохнуть?

– Я все время клюю носом. Мисс Десси, вы ведь не собираетесь вниз в таком виде?

– В каком?

– Ваши волосы в беспорядке, халат помят, и я не думаю, что вы как следует зашнуровали ваш корсет. – Она с неодобрением посмотрела на очертания груди Десимы.

– Я причешусь и зашнуруюсь как смогу.

– Позвольте мне, – настаивала Пру. – Вы должны выглядеть наилучшим образом. Это надо сделать! – загадочно продолжала Пру. – Я буду сердиться, если вы не позволите мне это сделать. – Она патетически кашлянула. – Мужчины замечают такие вещи.

Причесанная и зашнурованная Десима направилась вниз. В кухне стояла тишина, но воздух был наполнен аппетитным запахом.

– Мисс Росс. – Эдам с поклоном явился из какой-то комнаты. – Если вы соизволите пройти в столовую, я подам вам ваш ленч.

Сам джентльмен чудесным образом из подобия конюха превратился в безупречного англичанина – элегантный без особого старания это подчеркнуть и привлекательный без каких-либо ухищрений. Десима вспомнила одобрителльные слова Пру. Возможно, он не повеса, но это не делало его безопаснее.

Десима чинно проследовала к столовой.

– Благодарю вас, – сказала она, – но вы должны были позволить мне помочь вам.

– Вовсе нет. – Эдам открыл двери и улыбнулся, услышав возглас удивления. В камине горел огонь, в комнате было тепло, мерцали свечи, сверкали приборы на накрытом столе. – Теперь, если вы извините меня, мисс Росс, я на время стану дворецким.

Десима покорно опустилась на стул, который он выдвинул для нее, и встряхнула свою салфетку. Эдам удалился в кухню, признавая себе, что он немного волнуется, ожидая ее оценки его кулинарных способностей. Было так необычно для него попытаться удовлетворить женщину в той области, где он был новичком. Эдам усмехнулся про себя – последний раз он был в таком положении... когда? Пожалуй, в семнадцать лет. И опыт, который он тогда приобрел, был совсем иным. Учиться готовить едва ли было так же увлекательно, но зато безопасно.

– Суп, мэм. – Эдам поставил перед ней супницу.

– О боже! – Десима подняла крышку и понюхала. – Пахнет чудесно. А это что?

Она с интересом наблюдала за тем, как он пытается разрезать темно-коричневый батон.

– Хлеб. Я не думал, что это так трудно.

– Уверена, все будет чудесно, – вежливо сказала Десима, когда ломоть хлеба шлепнулся на ее тарелку. – Несомненно, местный рецепт. – Эдам был уверен, что она поддразнивает его. Да, в глазах снова появились озорные искорки. – Вероятно, необходимы лимоны?

– Это лестерширская[9 - Лестершир – графство в Центральной Англии.] версия, – ответил он. – Для ратлендского[10 - Ратленд – графство в Центральной Англии.] рецепта нужны грецкие орехи. Скажите, Десима, вас что-то позабавило, когда вы спустились вниз?

Она опустила разливательную ложку и порозовела. Эдам наслаждался тем, что может вгонять ее в краску. Румянец быстро приливал к прелестной коже, которая стала для него предметом восхищения. Да еще эти веснушки!

– Я не могу вам сказать. – Десима передала ему суп и налила себе. Большинство женщин притворно осведомились бы, что он имеет в виду, трепеща при этом ресницами и, вероятно, усмехаясь.

– Почему? – Эдам придвинул к ней масло, опасаясь, что так называемый хлеб ему не слишком удался.

Десима покачала головой:

– Не могу. Это совершенно неприлично. Господи, какой великолепный суп! Из чего он?

Эдам не имел никаких возражений против того, чтобы возбуждать в мисс Росс неприличные мысли. Совсем наоборот.

– Возможно, существует французское название, но я называю его супом из всей кладовой, я положил в него всего понемногу. Итак, Десима, вы собираетесь рассказать о ваших неприличных мыслях или мне придется воображать самые ужасные вещи?

– Ну... – Она помешала суп ложкой, задумчиво глядя в тарелку, затем бросила на него оценивающий взгляд из-под ресниц. – Я думала о том, каким джентльменом вы выглядите, потому что Пру недавно заметила, что вы настоящий джентльмен, хотя и виконт. – Десима засмеялась при виде выражения его лица. – Она уверяет, что аристократам нельзя доверять, так как все они повесы.

– Кроме меня?

– Очевидно. – Десима усмехнулась. – У вас такое лицо, словно вы не знаете, комплимент получили или оскорбление.

Именно об этом Эдам и подумал.

– Вы считаете меня повесой?

– Безусловно, нет, иначе я не поехала бы с вами. В любом случае вы слишком крупный для того, чтобы быть повесой.

Она задумчиво жевала хлеб.

– Крупный?

– Я всегда представляла себе повес тонкими и гибкими. Не то чтобы я что-нибудь о них знала, кроме того, что для них соблазнение невинных девушек – обычное дело.

– Это несомненно. Думаю, это необходимое условие, – серьезно согласился Эдам. – Вместе с пристрастием к азартным играм, ночным кутежам и посещениями притонов в дурной компании и падшими женщинами, содержанием актрис и танцовщиц из оперы и, конечно, веселой стайкой дорогих любовниц.

– О! – Обычно она внимательно обдумывала его слова, давая самые неожиданные ответы. Эдаму это очень нравилось. – А у вас есть такая стайка?

Эдам подавился куском моркови.

– Конечно нет! Только одна.

«Боже, что я говорю!»

– Она красивая? – осведомилась Десима.

– Очевидно, иначе я не стал бы содержать ее.

– Ну, думаю, могли бы, если она исключительно... э-э... талантлива, – задумчиво заметила Десима. – А любовницы обходятся очень дорого.

– Да, – с чувством ответил Эдам. – Особенно... э-э... талантливые. Если вы щедры и обходитесь с ними достойно, даже когда связь кончена. – Почему он подумал об окончании связи? Только вчера он не имел ни малейшего намерения расставаться с Джулией.

– Надеюсь, у Чарлтона нет любовниц. Я очень люблю мою невестку, и, хотя уверена, что он мог бы позволить себе любовницу, Хермион это бы не понравилось.

– Сомневаюсь, что у него она есть, – ободряюще произнес Эдам. – По вашим описаниям Чарлтон выглядит слишком респектабельным и скучным для этого. Уверен, что ваша невестка наслаждается его безраздельной преданностью.

– Вы хотите сказать, что только скучные мужья могут быть преданы своим женам? Хмм. – Десима насмешливо посмотрела на него. – Значит, выходя замуж, женщина должна выбирать между скучной преданностью и интересной неверностью.

– Поэтому вы не вышли замуж? – импульсивно осведомился он и был наказан: озорные искорки потухли в ее серых глазах.

– Нет, – напрямик ответила она.

«Проклятье!» Эдам не мог найти слов – это было необычное ощущение.

Десима улыбнулась, сжавшись над ним:

– Хлеб очень хорош для первой попытки. Что, по-вашему, у нас будет на обед? Если кто-нибудь из нас захочет обедать. – Она с сомнением посмотрела на ломоть хлеба в ее тарелке.

– Голубь, если мне удастся его подстрелить.

– Тогда я уберу здесь и присмотрю за Пру и Бейтсом.

Спустя полчаса Эдам вышел через заднюю дверь – дробовик висел у него на руке, а сумка с патронами на плече. Он задержался при звуке бегущих ног – Десима выглянула из кухонной двери.

– Вы тепло оделись? – Бросив взгляд на его пальто и шарф, она одобрительно кивнула и исчезла так же быстро, как появилась.

Заботливость Десимы пробудила в нем теплое чувство. Он сердито нахмурился и сказал себе, что между ними всего лишь дружба.

Но вот что странно: за двадцать четыре часа эта длинноногая перезрелая девица вызвала у него желание забыть все правила джентльменского поведения и заняться с ней любовью, испытывать удовольствие от выполнения обязанностей лакея, кухарки и конюха, пережить сомнения в разумности содержать любовницу и благосклонно принять заботу о нем. С озабоченным выражением лица Эдам захрустел по снегу, направляясь к роще.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ноттингем – графство в Центральной Англии. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Норфолк – графство на востоке Англии.

3

Мидлендс – центральные графства Англии.

4

Имеется в виду популярная английская рождественская песня «Добрый король Венцеслав» – речь идет о святом Вацлаве (903?–935), герцоге Богемии в 928–935 гг., где паж спасается от холода благодаря жару, чудесным образом исходящему от следов короля в снегу.

5

Лауданум – препарат опиума.

6

Стилтон – сорт английского сыра.

7

Имеется в виду будущий король Великобритании Георг IV (1762–1830, на троне с 1820 г.), в 1811–1820 гг. исполнявший обязанности регента при душевнобольном отце, короле Георге III.

8

Олмакс – фешенебельный лондонский клуб в 1765–1871 гг.

9

Лестершир – графство в Центральной Англии.

10

Ратленд – графство в Центральной Англии.

Купить: https://tellnovel.com/allen_luiza/pomolvka-vikonta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)